

DOI: 10.15372/HSS20150314
УДК 94(571)»1914/18»

В.М. РЫНКОВ

**БЕЖЕНЦЫ И ПРИНИМАЮЩИЙ СОЦИУМ:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

Вадим Маркович Рынков, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: vadsvet@list.ru

В статье проанализированы особенности приема и размещения беженцев осенью 1915 г. – весной 1916 г., их дальнейшее обустройство на просторах Сибири и Дальнего Востока. Приведенный фактический материал свидетельствует о том, что меры помощи беженцам в значительной степени отделяли их от принимающего социума и сохраняли их маргинальное положение. Лишь на второй год пребывания некоторым из них удавалось занять низшее социальное положение в обществе, трудоустроившись в качестве батраков и низкооплачиваемых рабочих и служащих.

Ключевые слова: беженцы, Азиатская Россия, социальная мобильность, маргинальность, государственная власть, местное самоуправление, благотворительность.

V.M. RYNKOV

**REFUGEES AND ACCEPTING SOCIETIES:
ON THE CHARACTERISTICS OF SOCIAL MOBILITY DURING THE WORLD WAR I**

Vadim M. Rynkov, Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, Russia, 630090,
e-mail: vadsvet@list.ru

The article analyzes some peculiarities of refugees' reception, accommodation and provision of the necessary facilities for the refugees in Siberia and Far East from autumn, 1915 until spring, 1916. The author turned his attention to the details of work of local authorities, municipal and public organizations connected with arrangement of residence places, supplying civilians arriving from near-front zone with clothes, food and employment. The study is based on the two sociological traditions, connected with researching social mobility and marginality. It uses archival documents and materials of periodical press. As factual evidences show, relief measures separated refugees from the receiving communities to a great extent and preserved their marginal status. Activities of state authorities and public organizations aimed at providing relief for refugees were ill-coordinated, inadequately funded and in fact they only isolated refugees from the receiving society. Siberians also did not show any disposition to support exiles, preferring to keep them in isolation. Only the following year some of the refugees managed to occupy the lowest social position working as farm laborers and low-paid workers. Refugees' life regulations initiated by the local authorities usually made social adaptation and integration more difficult.

Key words: refugees, Asian Russia, social mobility, marginality, state authority, local government, charity.

Первая мировая война привела к резкому усилению социальной мобильности населения. Причины не ограничиваются воинскими мобилизациями и фунда-

ментальными переменами экономических систем воюющих государств. Интенсивное перемещение фронтов, оккупация территории противника вынуждали к миграции гражданское население. Большинство стран-участниц войны столкнулись с феноменом массового беженства. Миграция в странах Европы не достигала

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

таких масштабов, как в России, где к тому же части беженцев пришлось преодолеть тысячекилометровые расстояния, переместившись в другие климатические пояса. По разным сведениям, данный людской поток оценивают в диапазоне от 3,2 млн до 7 млн чел. Численность вынужденных мигрантов, переместившихся за Урал, по официальным данным, составила около 3–6 % от общероссийской, но это вполне сопоставимо с количеством беженцев небольшого европейского государства, такого, как Бельгия. Беженство – это не только горизонтальная мобильность в географическом пространстве огромной империи, но и одновременно нисходящее вертикальное перемещение, связанное с потерей жилья, хозяйства, налаженных социальных связей, возможностей применять профессиональные навыки.

В последние годы история российских беженцев Первой мировой войны привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных исследователей. Наибольший объем сведений содержится в публикациях российских авторов, делающих акцент на изучении численности, размещения и состава беженцев, усилиях властей по организации их продвижения и приема. Между тем в мировой историографии под влиянием антропологического поворота и социальной истории фокус внимания исследователей давно сместился в сторону анализа социального бытия беженского сообщества, проблем, связанных с их интеграцией в местах вселения, взаимодействия с новой социальной средой. Опыт подобного анализа в российской историографии невелик, что почти неизбежно диктует региональный масштаб изучения. Речь дальше пойдет об азиатской части Российской империи, куда «просочился» лишь небольшой ручеек из многомиллионного потока российских беженцев.

Наибольшие перспективы дальнейшего изучения представляет использование двух социологических подходов, наработанных при изучении феноменов социальной мобильности и маргинальности [1, с. 73–75; 2, с. 859–867, 857–893]. Объем статьи не позволяет рассмотреть все составляющие проблемы социальной мобильности беженцев даже в региональных рамках. Этноконфессиональные аспекты, безусловно, важны, но требуют специального рассмотрения, поэтому остаются за пределами нашего внимания¹.

По официальным данным, всего за Урал выехало 114 тыс. беженцев, хотя только Челябинский пропускной пункт во второй половине 1915 г. пересекли 166 тыс. чел. на восток. Сибирские исследователи в общих чертах реконструировали картину размещения беженцев, описали основные мероприятия государственной администрации и органов городского самоуправления по их приему и трудоустройству [5; 6, с. 208–243; 7; 8, с. 269–303; 9; 10, с. 180–200; 11; 12; 13, с. 283–292; 14; 15]. В оценке социального положения беженцев в Сибири и на Дальнем Востоке исследователи прояви-

ли единодушие, считая, что оно было неудовлетворительно, а государственная помощь – недостаточна. Но при этом все отметили слаженную работу местных властей, мобилизацию ими максимума возможных ресурсов для решения насущных проблем вынужденных мигрантов. Большинство трудностей и срывов истории объяснили крайне слабой материальной базой правительственных и общественных организаций.

За Урал эшелоны с гражданским населением из оставляемых неприятелю территорий стали прибывать с конца августа 1915 г., когда европейские губернии России уже познакомились с беженской проблемой и наработали обширный опыт ее решения с помощью общественных объединений. 30 августа 1915 г. правительство приняло закон о беженцах, который отнес расходы по их перемещению и содержанию на местах вселения к государственным обязательствам. В сентябре заработало Особое совещание по делам беженцев, призванное координировать и финансировать работу местных учреждений по обеспечению нужд вынужденных мигрантов. Поэтому в Азиатской России беженская проблема должна была разрешаться мягче. Так на первый взгляд и было. В городах Сибири и Дальнего Востока организовали 36 комитетов по приему беженцев, причем многие – заблаговременно, а распределение прибывавших контингентов планировалось централизованно.

Сразу оговоримся, что абсолютное большинство беженцев в явной или скрытой форме были принуждены русской армией покинуть свои жилища, хозяйства многих подверглись сознательному уничтожению или грабежу. Запоздалый комплекс законодательных мер по организации социальной поддержки беженцев являлся шагом по пути к восстановлению социальной справедливости. Государство выразило готовность частично восполнить ущерб, нанесенный своим подданным.

Если взглянуть на дело глазами сибирских чиновников, то местные власти действительно сделали максимум возможного для скорейшей интеграции беженцев в сибирское общество и приобщения к нормальной жизни. Причем вся «беженская» работа навалилась на плечи местной администрации. Движение беженцев в Сибирь имело стихийный характер, а расселение их из городов в сельскую местность – плановый. Размещение происходило в соответствии с чаяниями самих прибывающих, в абсолютном большинстве – крестьян. Усилиями крестьянских начальников в волостях удалось организовать попечительства, взявшие на себя заботу об удобном расквартировании прибывавших. Они же распределяли среди нуждавшихся казенные пособия. Отсутствие в сельской местности интеллигентных сил, по уверениям томского губернатора, совершенно не помешало успешному решению всех поставленных задач².

Органы городского самоуправления и общественные организации, напротив, в своих отчетах утвержда-

¹ На общероссийском материале этот вопрос в значительной мере решен (см., например: [3, pp. 142–170; 4, с. 208–247]).

² ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 2. Д. 1. Л. 18–21.

ли, что именно им пришлось выполнять работу нерасторопных государственных учреждений. Они занимались регистрацией прибывавших беженцев, подразделяли их на категории, спешно подыскивали работу квалифицированным трудоспособным лицам, распределяли нуждавшихся по больницам, приютам, большинство же направляли за получением переселенческих документов³. Масштабы этой деятельности в городах не могут не впечатлять. В Красноярске еще до прибытия вынужденных мигрантов, которых ожидалось около 1000 чел., был организован комитет помощи беженцам, состоявший из президиума и шести секций, в рамках которых к участию привлекли 308 общественных деятелей⁴. Омский городской комитет помощи беженцам насчитывал 85 членов⁵. Хабаровский комитет попечения о беженцах, имевший шесть отделов и насчитывавший 40 чел., принял за 3 мес. на обслуживание 274 чел. [6, с. 217–218]. Впрочем, представление о бурной деятельности городских учреждений нуждается в корректировке. До 13 сентября 1915 г. в Томск прибыло 3 тыс. беженцев, на прием, размещение и продовольствие которых комитет для оказания помощи беженцам истратил 6 тыс. руб.⁶, т.е. по 2 руб. на человека. Красноярское городское управление тоже ограничилось выделением нескольких сотен рублей на организацию беженской столовой, признав при этом, что опекаемые предпочитают брать кормовые пайки наличными.

В уездных городах обнаруживалась похожая картина. Приведем типичный пример. 14 сентября в Боготоле собрание «видных общественных деятелей» постановило организовывать в базарные дни сбор денег и одежды для беженцев. Но автор заметки об этом констатировал очевидность буквально «муравьиного» масштаба усилий по сравнению с тем, что требовалось. В город ежедневно и, по словам автора, совершенно неожиданно для всех прибывали десятки голодных, раздетых людей, включая детей и нетрудоспособных взрослых, которыми никто не занимался. Справиться с этой проблемой одними благотворительными акциями маленький сибирский город оказался не в состоянии. Обращение за государственной субсидией было неизбежно, но ее получение требовало длительных согласований⁷.

То есть вся работа протекала практически без вложения средств. А без финансирования много ли можно было сделать? Прибывшие в Сибирь беженцы неделями оставались в вагонах никому не нужные, проживая «как сельди в бочках». Более того, в это время желез-

нодорожное ведомство настойчиво их выселяло, ссылаясь на страшную нужду в свободном подвижном составе. Ничего, кроме скромной и низкобюджетной помощи Переселенческого управления, такие беженцы долгое время не получали, а выселенные из вагонов вынуждены чаще всего были жить на вокзалах⁸.

Несмотря на все приготовления, прибытие первых эшелонов с людьми в сибирские города стало для местного населения и власти настоящим шоком. Администрация со страхом писала об обилии беженцев, наводнивших вагоны третьего класса, станции и привокзальные площади, приносивших с собой мусор и грязь, опасность распространения эпидемий⁹. Директива МВД, предписывающая срочно подыскать помещения, достаточные для расселения беженцев, на местах реализовывалась с явным стремлением изолировать бегущую от войны и неустроенности массу людей, обрекая их на еще большую, а главное, существенно более продолжительную неустроенность.

В поисках жилья для беженцев губернская администрация обратилась к переселенческим и акцизным чиновникам, железнодорожному начальству. Первые крайне неохотно предоставляли доступ к инфраструктуре, предназначенной собственно для переселенцев – приемным и питательным пунктам, ночлежкам, предпочитая «жертвовать» технические помещения. Акцизное же ведомство проявило готовность выделить казенные винные склады. Опыт недавней масштабной мобилизации, когда больше не востребованные по своему прямому назначению винные склады использовались для сбора новобранцев, свидетельствовал о возможности приспособить эти огромные и неудобные помещения для кратковременного вселения 500–700 чел. при минимальных вложениях. Поэтому они в первые месяцы стали весьма частым местом концентрации беженской массы, использовались не только для проживания, но даже под лазареты¹⁰. Примечательно, что там, где имелись нереализованные остатки спиртной продукции, акцизные чиновники потребовали выставить охрану. Так что кое-где беженцам пришлось начинать жизнь в Сибири чуть ли не под конвоем. На аналогию с неволей напрашивается и другой пример. Подходящим местом для размещения беженцев власти сочли многочисленные этапные здания, которых в одном Барнаульском уезде набралось 25¹¹. В Омске значительную часть беженцев размещали в изоляционно-пропускном пункте, построенном специально для эпидемических больных военнопленных¹². Но до трети беженцев в крупных сибирских городах так и осталось в вагонах¹³. Проявляя готовность помочь нуждавшимся беженцам, сибирская бюрократия и общественность в то же время неосознанно осуще-

³ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления (Красноярск). 1915. № 13. С. 22–24; № 14. С. 19–20; Известия Татъянинского комитета (Пг.). 1916. № 13. С. 15–16; 1917. № 16. С. 12–13; Отчет о деятельности Омского городского комитета помощи беженцев за время с 19 августа 1915 года по 1 января 1916 года. Омск, 1916. С. 2.

⁴ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления, 1915. № 16. С. 403–408; 1916. № 6–7. С. 87.

⁵ Отчет о деятельности Омского городского комитета... С. 45–49.

⁶ Сибирская жизнь. 1915. 16 сент.

⁷ Там же. 23 сент.

⁸ Там же. 29 сент., 8 окт.

⁹ ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 6–6 об.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Отчет о деятельности Омского городского комитета... С. 5.

¹³ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления. 1915. № 17. С. 18.

ствили символическое противопоставление «чужаков» «коренному» сибирскому населению.

Описав кампанию по приему и расселению беженцев, большинство сибирских авторов считали свою исследовательскую задачу исчерпывающе решенной. На самом деле ее завершение оказалась лишь короткой остановкой перед продолжением мытарств прибывавших из прифронтовой зоны.

Едва перезимовав в наспех подготовленных помещениях, многие беженцы вновь оказались в роли выселяемых. Томский округ путей сообщения настойчиво потребовал освобождения временно предоставленных помещений. Аналогичным образом поступило Переселенческое управление, настаивая, что за несколько месяцев многие мигранты трудоустроились и более не нуждаются в коллективном казенном жилье. Одним из важнейших мотивов стала необходимость использовать площади при проведении очередной мобилизации в армию¹⁴. Эпопея с выселением растянулась до поздней осени 1916 г. Беженские организации яростно упирались и настаивали, что они уже затратили средства на переоборудование производственных помещений под жилые.

Часто и подготовленные для беженцев помещения оказывались никуда не годными. В Томске часть прибывавших разместили в здании солодоварни пивоваренного завода Р.И. Крюгера. Врачебно-санитарный совет города санкционировал вселение туда большого количества людей. Лишь когда помещение осмотрел врач посторонней организации – санитарного бюро по оказанию помощи бедным жителям Заисточья (район Томска), был поднят вопрос о вопиюще антисанитарных условиях жизни обитателей солодоварни. По отзыву осмотревшего помещение врача, в здании было сыро, холодно, тесно и темно, обитатели масово заболели, а оказать медицинскую помощь не представлялось возможным ввиду отсутствия света и предельной скученности проживающих¹⁵. В Иркутске приспособленные под общежития бараки обслуживались настолько неудовлетворительно, что превратились к ноябрю в заразные изоляторы [16, с. 153, 159, 168]. Описаний качества помещений и медицинского обслуживания беженцев в Омске в источниках не выявлено. Но даже опубликованные цифры официального отчета говорят о многом. В последнем квартале 1915 г. в городе учли 662 ребенка беженца, из которых 88 не дожили до начала 1916 г.¹⁶ В Новониколаевске на попечение беженцев через Татьянинский комитет была отпущена субсидия от губернской организации в 9,4 тыс. руб., и 2,7 тыс. руб. удалось получить за счет местной благотворительности. При этом только на оборудование приемлемого помещения для беженцев требовалось 32 тыс. руб.¹⁷

В конце октября 1915 г. инспекционную поездку в Сибирь совершила представитель Союза земств и городов А.И. Шингарева. Она охарактеризовала беженские комитеты как насаждаемую чиновниками казенщину, как органы, не способные справиться со стоящими перед ними задачами. Питание беженцев во время транзита и на местах вселения было организовано из рук вон плохо, санитарно-медицинское обслуживание не налажено. Причину она видела в том, что данным вопросом занимались коменданты станций и руководители ведомств, а не представители общественных организаций. Размеры пайка по Сибири колебались от 3 р. 20 к. до 10 руб., что ставило в неравное положение прибывших в разные губернии и области Сибири. Сами правила выдачи средств тоже зависели от произвола властей. В частности, в Акмолинской области губернский комитет по делам беженцев постановил выдавать пайки на руки принимающим хозяевам¹⁸. Последнее, видимо, объяснялось желанием стимулировать крестьян брать вынужденных мигрантов в свои дома.

Местная пресса, регулярно освещавшая кампанию по приему вынужденных мигрантов, приводила немало свидетельств пустой канцелярщины и формальности в работе ответственных за прием и размещение чиновников, а также представителей многочисленных общественных организаций. Общественное мнение крайне критично оценивало результаты работы чиновников, чиновники при проверках обнаруживали вопиющую нераспорядительность общественных деятелей¹⁹.

Возникает весьма интересное впечатление: повсеместно работали службы продовольственной, медицинской помощи, регистрации и правильной организации потоков двигавшихся по железной дороге вынужденных мигрантов, но всюду они прибывали стихийно, не получая еды, одежды и иных знаков внимания со стороны местных властей и населения. Способ «подачи помощи» со стороны местных беженских организаций постоянно давал повод прибывшим в Сибирь мигрантам чувствовать себя изгоями. Чего, например, стоила с трудом и с большим опозданием организованная выдача бесплатной пищи находившимся совершенно без средств беженцам, если при этом отсутствовали приборы для еды²⁰.

Во всех перипетиях беженской эпопеи пассивная и в целом незлобная отстраненность сибирского социума бросается в глаза и диссонирует с иным, сочувственным, отношением населения прилегающих к фронту районов. Там крестьяне и горожане выдержали куда более мощный натиск беженцев, нередко принимавших беды этих горемычных людей, как свои. И здесь не должны вводить в заблуждение бодрые отчеты прессы о готовности горожан пожертвовать свои силы и средства на обеспечение лиц, пострадавших от

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-7. Оп. 1. Д. 32. Л. 21–21 об., 25, 27–29, 33, 36, 41, 48 об., 54, 62, 66 об., 87.

¹⁵ Сибирская жизнь. 1915. 30 сент.

¹⁶ Отчет Омского городского комитета... С. 39, 41.

¹⁷ Жизнь беженцев. Пг., 1916. № 2. 1916. С. 14.

¹⁸ ГАТО. Ф. Ф-233. Оп. 2. Д. 3779. Л. 414–415 об.

¹⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1915. 21 авг., 7 окт.

²⁰ Там же. 9 окт.

войны²¹. По отзывам самих беженцев, именно в Сибири они встретили наихудший прием²². Сибирские власти жаловались, что мало кто добровольно готов был размещать беженцев у себя дома. Устроить на частные квартиры удавалось буквально десятки из тысяч. Именно это стало причиной, вынуждавшей местную администрацию распределять беженцев небольшими партиями по окрестным селам. Горожане возлагали на беженцев вину за рост цен на базарах, отказы исполнять предлагаемую тяжелую физическую работу оценивали как проявление иждивенческих настроений. Правда, большинство рапортов и докладов местного полицейского начальства констатирует благожелательное отношение населения, особенно сельского, к беженцам²³. Впрочем, часто респонденты отделялись фразами, транслируемыми в каждом ежемесячном отчете.

Процесс интеграции беженцев в сибирский социум был сложным и с трудом просматривается по отдельным источникам. Легче он протекал в уездных центрах. Второе лето многие переживали совершенно в других условиях. В частности, по сведениям бийского уездного исправника, к лету 1916 г. практически все имевшиеся на территории уезда беженцы (980 чел.) покинули город, несмотря на наличие там специальной бесплатной столовой, и устроились на жительство в сельскую местность. Там они нанялись на различные работы, а некоторые даже получили возможность завести приусадебное хозяйство²⁴. В других местах нормализацию положения беженцев, прежде всего в результате перевода на жительство в сельскую местность, тоже относили к весне 1916 г. и связывали с началом полевых работ²⁵. Адаптация приезжих к условиям жизни в Сибири успешнее происходила естественным путем. Но им приходилось занимать наименее престижную нишу батраков и в лучшем случае вливаться в низший слой сельскохозяйственных производителей, отдаваясь на милость принимавшего их сельского общества. Беженцам платили за работу меньше, чем местным жителям. На Дальнем Востоке, напротив, легче протекало трудоустройство в крупных городах, тогда как в малых и в сельской местности беженцам оказалось сложнее адаптироваться [6, с. 225]. К тому же избыток предложения там «желтого» труда не позволял вынужденным мигрантам эффективно конкурировать в сфере занятости.

Вмешательство властей обычно напоминало о маргинальном положении беженцев. В Иркутске, например, на совещании губернатора не нашли ничего

лучше, как дать беженцам три дня для самостоятельного и добровольного выбора места проживания в сельской местности, после чего приступить к принудительному выселению²⁶. Местные власти стремились поскорее занять беженцев производительным трудом. Поэтому устанавливались правила, по которым трудоспособные имели право на пособие в одних местах только неделю, а в других (Тобольская губерния) – и вовсе три дня [6, с. 224]²⁷. Все это – плоды «чуткого» регулирования беженского вопроса губернских, уездных и городских комитетов по устройству беженцев. Беженцы и так вынуждены были занимать самые низшие ступени на рынке занятости, а подобные меры местной власти толкали их на самые отчаянные шаги в вопросах трудоустройства. Но сложно было изменить в лучшую сторону положение значительной части беженцев нетрудоспособных, отягощенных маленькими детьми матерей (обе группы в совокупности составляли большинство вынужденных мигрантов), а также тех, кому не удалось «приискать» дешевый угол. Даже в 1917–1918 гг. беженские бараки и общежития никогда не пустовали, а на попечение городских комитетов помощи беженцев оставалось от нескольких десятков (в уездных центрах) до нескольких тысяч беженцев. С лета 1916 г. благотворительные сборы стали давать ничтожные результаты, а казенные пособия урезались на фоне роста цен [8, с. 294–296].

Беженство следует рассматривать как направленный вниз социальный лифт, приводимый в движение условиями войны, деятельностью государства и армии. Уже в годы Первой мировой войны определились особенности социальной мобильности беженцев, ставшие их родовыми признаками и затруднявшие процесс «возвращения» в нормальный российский социум. Беженство «выпрямляло» социальную дифференциацию всех участников вынужденных миграций, формируя из них относительно единую группу людей, оказавшихся в результате утраты жилья, большей части личного имущества, стабильных доходов, исключения из привычных социальных сетей и длительного вынужденного перемещения на грани нищенства и выживания, а порой и за этой гранью.

Принятые на законодательном уровне меры социальной защиты беженцев не обеспечивались необходимыми средствами, в результате не соблюдались или выполнялись символически. Часто они корректировались местными властями в сторону резкого понижения нормативно гарантируемых стандартов. Следует оговориться, что это не было специфическим явлением, свойственным России периода Великой войны. Речь должна идти о конкретном проявлении более общей тенденции по изоляции беженцев от населения и минимизации материальных расходов общества на их адаптацию, наблюдавшейся и в других странах и дожившей до современности [2, с. 971–972; 18; 19, р. 195–199]. Сибирское население продемонстрировало нежела-

²¹ Помощь беженцам // Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.

²² Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 9–10. С. 46; многочисленные материалы подтверждают более теплый прием беженцев населением европейской части страны (см.: [17, с. 130–132]).

²³ ГАРФ. Ф. 102. Делопроизв. 4. Оп. 124. 1915. Д. 108, ч. 1. Л. 11; Оп. 125. 1916. Д. 108, ч. 1. Л. 2–2 об.

²⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 2. Д. 6928. Л. 66 об., 87, 148.

²⁵ Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 6–7. Приложения. С. 59.

²⁶ Там же. 1916. № 9–10. С. 45.

²⁷ Там же. 1915. № 17. С. 18.

ние принять временно в свою среду и абсорбировать беженцев. Имевшие длительный опыт взаимодействия со ссыльными и каторжанами, сибиряки привыкли подолгу отталкивать чужаков, держать их на ощутимом социальном расстоянии. Помощь беженцам обернулась своеобразной формой социальной инклюзии, консервировала изолированность большинства беженцев от основного сибирского населения. Понадобился год, чтобы меньшая часть вынужденных мигрантов включилась в хозяйственную жизнь Сибири, заняв низшие ступени социальной лестницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маргинальность в современной России / Е.С. Балабанова, М.Г. Барлуцкая, А.Н. Демин, А.В. Качкин. М., 2000. 207 с.
2. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. М., 2007. Т. 15: Стратификация и мобильность. 1029 с.
3. Gatrell P. Whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis, 1999. 336 p.
4. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. 327 с.
5. Горюшкин Л.М. Беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны // Бахрушинские чтения, 1977 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 93–102.
6. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.
7. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.
8. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 385 с.
9. Еремин И.А. Прием и размещение беженцев в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 272–276.
10. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Барнаул, 2010. 293 с.
11. Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–278.
12. Чудаков О.В. Деятельность Омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.
13. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы войны и социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 422 с.
14. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
15. Островский Л.К. Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. 2011. Вып. 1. С. 74–78.
16. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары...: Дневник 1914–1918 гг. / ред.-сост. С.Г. Андреев, П.К. Конкин; коммент. П.А. Новикова. Иркутск, 2008. 592 с.
17. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914–1925 гг. М., 2014. 432 с.
18. Витковская Г.С. Вынужденные переселенцы из ближнего зарубежья: проблемы интеграции в российский социум // Миграционные процессы после распада СССР. М., 1994. С. 53–70.
19. Gatrell P., Nivet F. Refugees and Exile // The Cambridge History of The First World War. V. III: Civil Society. Cambridge University Press, 2014. 186–215.

REFERENCES

1. Marginality in contemporary Russia / E.S. Balabanova, M.G. Barlutskaia, A.N. Demin, A.V. Kachkin. Moscow, 2000, 207 p. (In Russ.)
2. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental sociology: in 15 vol. Moscow, 2007, vol. 15: Stratification and mobility, 1028 p. (In Russ.)
3. Gatrell P. Whole empire walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indianapolis, 1999, 336 p.
4. Tumanova A.S. Public organizations in Russia during the World War I (1914 – February 1917). Moscow, 2014, 327 p. (In Russ.)
5. Goryushkin L.M. Refugees in Siberia during the World War I. *Bakhrushinskiye chtenia*, 1977: Collection of research papers. Novosibirsk, 1977, pp. 93–102. (In Russ.)
6. Ikonnikova T.Y. Far-East back areas of Russia in the years of the World War I. Khabarovsk, 1999, 365 p. (In Russ.)
7. Gorelov Y.P. Receiving refugees in Siberia during the World War I. *Siberia. XX vek*. Kemerovo, 2002, issue 4, pp. 66–73. (In Russ.)
8. Gorelov Y.P. Siberians at defense of homeland during the wars at the beginning of XX century. Kemerovo, 2003, 385 p. (In Russ.)
9. Eremin I.A. Receiving and lodging of refugees in Tomsk governorate during the World War I. *Istoricheskiy opyt khoziaystvennogo i kulturnogo osvoenia Zapadnoy Sibiri*: Tchetvertiye nauchnyie chtenia pamiati prof. A.P. Borodavkina. Barnaul, 2003, vol. 2, pp. 272–276. (In Russ.)
10. Eremin I.A. West Siberia during the World War I (June 1914 – March 1918): textbook. Barnaul, 2010, 293 p. (In Russ.)
11. Nam I.V. The number and ethnic composition of refugees in Siberia during the World War I. *Istoricheskiy opyt khoziaystvennogo i kulturnogo osvoenia Zapadnoy Sibiri*: Tchetvertiye nauchnyie chtenia pamiati prof. A.P. Borodavkina. Barnaul, 2003, vol. 2, pp. 276–278. (In Russ.)
12. Tchudakov O.V. Omsk municipal government activity on organizing relief for refugees during the World War I. *Problemy istoriografii, istochnikovedenia i istoricheskogo kraevedenia v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii*. Omsk, 2000, pp. 183–188. (In Russ.)
13. Tchudakov O.V. Municipal government in Siberia during the war and social earthquakes (June 1914 – the first half of 1918). Omsk, 2013, 422 p. (In Russ.)
14. Schetinina A.S. Refugees in the South of Western Siberia 1914–1923: the sources and methods of study: author's abstract on candidate of historical sciences. Barnaul, 2007. (In Russ.)
15. Ostrovsky L.K. Relief work for refugees of Polish public organizations in Tomsk governorate during the World War I (1914–1918). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue: istoria, filologia. 2011, issue 1, pp. 74–78. (In Russ.)
16. Serebriannikov I.I. Experiencing strokes of fate... The diary 1914–1918 / C.G. Andreev, P.K. Konkin, P.A. Novikov. Irkutsk, 2008, 592 p. (In Russ.)
17. Belova I.B. Internally displaced persons: refugees and prisoners of war. 1914–1925. Moscow, 2014, 432 p. (In Russ.)
18. Vitkovskaya G.S. Forced migrants from the near abroad countries: problems of integration in Russian society. *Migratsyonnye protsessy after break-up of the Soviet Union*. Moscow, 1994, pp. 53–70. (In Russ.)
19. Gatrell P., Nivet F. Refugees and Exile. *The Cambridge History of The First World War*. Cambridge University Press, 2014. V. III: Civil Society, pp. 186–215.